

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

(ОТДЕЛЬНЫЙ ОТТИСК)

3

МОСКВА • 1970

ПРИЛОЖЕНИЕ

JULIANI IMPERATORIS

EPISTOLAE

ИМПЕРАТОР ЮЛИАН

ПИСЬМА

ПЕРЕВОД Д.Е.ФУРМАНА
ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. Ч. КОЗАРЖЕВСКОГО

(Окончание)

40. ЮЛИАН ПОЧТЕННЕЙШЕЙ ФЕОДОРЕ¹ (85)

С радостью я получил от благородного Мигдония² все посланные тобой книги и письма. С трудом уложив свободное время — боги знают, говорю без притворства,— я отписал тебе это. Тебе же желаю преуспевать и всегда посылать к нам такого рода письма.

41. ФЕОДОРЕ (86)

Я получил книгу, которую ты передала через Мигдония, а также все подарки, которые ты прислала мне к празднику. Все это для меня очень приятно, но всего приятнее для меня было, как ты и сама прекрасно знаешь, — узнать о том, что милостью богов тело твое, благороднейшая, в добром здоровье и что ты усердно и энергично заботишься об отправлении культа богам.

А что касается написанного тобою к философу Максиму, что якобы мой друг Селевк¹ враждебно относится к тебе, то поверь, что при мне он никогда не говорил и не делал ничего направленного против тебя. Напротив, все, что он о тебе говорил, было в самом благожелательном тоне, и хотя, конечно, я не могу сказать, что он и расположен к тебе прекрасно (об этом знают лишь он сам и всевидящие боги), но я совершенно искренне заявляю, что при мне он воздерживался от чего бы то ни было в этом роде. Поэтому мне кажется смешным не обращать внимания на то, что он делает, а выискивать то, что он скрывает в душе и чему у меня нет ясного свидетельства².

Но так как ты столь сильно на него нападаешь и, открывая кое-что касающееся тебя самой, делаешь ясной для меня причину твоей вражды к нему, то я без обиняков скажу тебе вот что: если ты благоволишь к кому-либо из мужчин или женщин, свободных или рабов, кто и сейчас не почитает богов и не внушает надежду, что со временем можно убедить его, ты поступаешь плохо. Представь себе сначала, что речь идет о тебе самой. Если кто-либо из твоих любимых слуг помогает и верно служит тем, кто клеветет и порочит тебя, а к нам, твоим друзьям, относится с отвращением и ненавистью, разве

¹ Феодора известна из переписки Либания. Она — жена бывшего префекта Претория Востока Талассия и мать нотариуса Бассиана и младшего Талассия (см. О. С е е с к, *Die Briefe des Libanius zeitlich geordnet*, Lpz, 1906, стр. 289 и 307). Письмо написано, очевидно, вскоре после приезда в Антиохию в июле 362 г.

² Некий Мигдоний также известен из переписки Либания (см. С е е с к, ук. соч., стр. 219).

¹ Селевк — друг Юлиана, сопровождавший его в персидском походе. Из писем Либания видно, что в 362 г. Юлиан назначил Селевка жрецом (8 е е с к, ук. соч., стр. 272).

² См. письмо 39. Возможно, опасения Феодоры вызваны тем, что ее сын и муж были врагами цезаря Галла (Амм. Магс, XXII, 9, 16; см. С е е с к, ук. соч., стр. 290).

ты тогда не пожелаешь его скорейшей гибели, а вернее, не покараешь ли его сама? Так что же? Разве боги должны почитаться меньше друзей? Нет, и по отношению к ним ты должна думать так же, считать, что они — наши господа, а мы — их рабы. И если кто-либо из нас, называющих себя слугами богов, любит слугу, ненавидящего богов и отвращающегося от их почитания, то разве не следует или переубедить этого слугу и этим спасти его, или отослать из дома и продать его, если уж так трудно отказаться от обладания слугой ³? Что касается меня, то я не хотел бы, чтобы ко мне благоволили те, кто не любит богов. И я заявляю, что и ты, и все те, кто стремится занять жреческие должности, должны на будущее иметь это в виду и со всей энергией браться за служение богам. И было бы разумно, чтобы жрец начинал со своего собственного дома и прежде всего его полностью очистил от столь страшных заразы.

42. НЕИЗВЕСТНОЙ¹ « (87)

Я получил от твоей мудрости письма, возвещающие о том чудесном и прекрасном, что посылается и даруется нам богами. И прежде всего я выражаю великую благодарность небесным богам, а во-вторых, благодарю твоё великодушие, что ты больше других стремишься неустанно молить за нас богов и стараешься безотлагательно извещать нас о явленных тебе знаках их милости.

43. К НЕИЗВЕСТНОМУ¹ (88)

... разве не справедливо уделять людям то уважение, которое мы оказываем предметам из дерева ²? Предположим, что человек, обладающий жречеством, возможно, и недостоин этого. Не следует ли шадить его до тех пор, пока не станет совершенно ясно, что он виновен, и тогда уже, отрешив его от этой должности и отняв звание жреца, дарованное ему, по-видимому, опрометчиво, сделать его доступным посрамлению, наказанию и заслуженной каре? И если ты этого не понимаешь, то, как видно, ты не разбираешься должным образом и в остальном. Какое же вообще у тебя может быть представление о справедливости, если ты не знаешь, что такое жрец и что такое частный человек? Какое же может быть у тебя благоразумие, если ты дурно обращаешься с тем, при появлении кого ты должен вставать? Но вот что постыднее всего и что совсем не украшает тебя ни перед богами, ни перед людьми: епископы и пресвитеры галилеян, наверное, восседают рядом с тобой — и если из-за меня не открыто, то тайно в твоём доме; и из-за тебя же избит жрец. Иначе, клянусь Зевсом, не пришел бы ко мне с ходатайством ваш главный жрец. И если уж тебе слова Гомера кажутся баснями ³, послушай оракул дидимейского

³ Биде так объясняет эту фразу: так как такой раб внесет заразу и в дом нового господина, то лучше не стараться продать его.

¹ Так как письмо к женщине и жрице, то возможно, что оно также написано к Феодоре.

¹ Начало утеряно, и имя адресата неизвестно. Исходя из того, что Юлиан дважды упоминает дидимейский оракул, скорее всего, адресатом был презид провинции Карики, избивший какого-то жреца, на что пожаловался Юлиану главный жрец провинции.

² Имеются в виду статуи богов.

³ Очевидно, Юлиан имеет в виду месть Аполлона за Хриза (Iliad. I, 23).

владыки и посмотри, как он еще в древности, наставив эллинов делами, затем поучал здравомыслящих людей уже словами:

Тем, кто в своем нечестивом и жалком умишке
Вред причинять жрецам бессмертных богов замышляет
И в своих мыслях безбожных им оскорбленья наносит, —
Жизненный путь пройти до конца не удастся.
Так же и тем, кто богов дерзает бесчестить блаженных,
Честь служенья кому они получили от предков⁴.

Ведь бог называет враждебными богам не тех, кто бьет или оскорбляет жрецов, а только тех, кто не оказывает им полагающихся почестей, — а тот, кто побил, является святотатцем. И поскольку по отеческим законам я — верховный жрец и недавно получил дар пророчества от дидимейского бога, я запрещаю тебе в течение трех лунных месяцев своим присутствием мешать исполнению жреческих обязанностей. Если в течение этого времени ты окажешься достойным и главный жрец города напишет мне об этом, то я тогда посоветуюсь с богами, можно ли снова принять тебя к нам. Вот какое наказание я накладываю на тебя за твое безрассудство. Древние имели обыкновение письменно и устно заклинать богов покарать преступника — но, думаю, не стоит подражать им, да и боги, кажется, сами никогда не выполняли этих закланий. Но вообще нам, служителям божества, подобает молиться. И вот я буду молиться вместе с тобой, чтобы по твоим усердным мольбам боги даровали прощение за то, что ты совершил.

44. ЮЛИАН (ЦЕЗАРЬ) ФЕОДОРУ, ГЛАВНОМУ ЖРЕЦУ¹ (89 а)

Я написал тебе письмо менее официальное, чем другим, ибо я думаю, что и у тебя ко мне дружеских чувств больше, чем у других. Ведь немаловажно то, что нас с тобой посвятил один и тот же человек², и ты, конечно, помнишь, что когда я еще жил на Западе³ (немало времени тому назад), я узнал, что он высоко ценит тебя, и стал считать тебя другом. И, однако, из большой осторожности я обычно повторял про себя прекрасные слова: «Я никогда не встречал и не видел...»⁴ и еще что дружбе должно предшествовать знание, а знанию — опыт. Но немало значили для меня и эти слова: «Сам сказал»⁵. Поэтому и тогда я думал, что должен считать тебя среди своих близких, и теперь я доверяю тебе дело, очень дорогое для меня, а для всех людей — в высшей степени полезное. Ты, как нужно надеяться, хорошо выполнишь его, а это и здесь порадует меня и даст добрую надежду на будущую жизнь. Ибо мы отнюдь не принадлежали к тем, кто верит, что душа гибнет раньше тела или вместе с телом, и не верим никому из людей, но лишь богам, которые одни только, вероятно, имеют совершенное знание этого, если только можно про необходимое говорить «вероятно». Ведь людям надлежит предполагать о таких вещах, а боги должны иметь истинное знание.

⁴ Этот же оракул приводится им еще раз в 45 письме (297, с — d). В других источниках он не встречается.

¹ О Феодоре см. письмо 16. Неясно взаимоотношение этого и следующего писем. Биде полагает, что это — два фрагмента одного письма. Райт видит в следующем письме ту

подробную инструкцию, о которой говорится в настоящем письме.

² Очевидно, Максим Эфесский.

³ В Галлии.

⁴ *Πιάδ.* IV, 374; *Odys.* IV, 200.

⁵ — пифагорейское выражение.

Но что же я имею в виду, когда говорю, что даю тебе поручение? Чтобы ты управлял всеми храмами в Азии, надзирая за жрецами всех городов и назначая каждому, что ему полагается. Обладающему таковой властью надлежит иметь, прежде всего, снисходительность, а также доброту и благожелательность к тем, кто этого достоин; но каждого несправедливого к людям, нечестивого по отношению к богам и со всеми высокомерного жреца надлежит или поучать со всей прямоотой, или карать со всей суровостью.

Более полные предписания, которыми вообще нужно руководствоваться в управлении всеми жрецами, а также все прочее ты очень скоро узнаешь; пока же я только хочу сделать тебе несколько замечаний, и ты поступишь правильно, если послушаешься меня. Ведь я никогда не поступаю необдуманно в таких вопросах, как знают все боги, но осторожен, как никто другой, одним словом,— избегаю нововведений во всем, а особенно — в том, что касается богов, ибо знаю, что мы должны соблюдать издревле переданные нам отцовские обычаи, которые, как это ясно, дали боги. Ибо если бы эти законы исходили просто от людей, они не были бы так прекрасны. А так как получилось, что они были в пренебрежении и подверглись порче, а богатство и роскошь взяли верх, то, по моему мнению, надлежит заботиться о том, чтобы они пребывали в их первоначальной чистоте⁶. Видя, что среди нас царит полное пренебрежение к богам и что всякое уважение к высшим силам изгнано грязной и вульгарной роскошью, я всегда наедине с собой оплакивал это. Ибо я видел, что те, кто предан учению ... (иудейской религии⁷), столь пламенны в своей вере, что предпочтут умереть, чем отречься от нее, переносить всяческую нужду и голод, чем попробовать свинину или мясо удушенного или удушенного животного, а мы столь равнодушны к постановлениям, относящимся к почитанию богов, что привели в забвение отцовские обычаи, так что, наконец, даже забыли, было ли вообще когда-либо что-нибудь в этом роде постановлено. А они в своем роде весьма благочестивы, ибо почитают... (бога), который воистину всемогущ и благ, и управляет чувственным миром, которому, как я прекрасно знаю, и мы поклоняемся, но под другими именами; по моему мнению, они поступают очень правильно, не преступая законов, и лишь в одном погрешают: в том, что, всеми силами стараясь угодить этому богу, они не почитают и других богов, но думают, что эти боги даны в удел лишь нам, «язычникам»⁸. До такого безумия они дошли в своем варварском высокомерии! Нечестивые же галилеяне, как будто их какая-то болезнь...⁹

1 45. ФРАГМЕНТ ПИСЬМА. К ЖРЕЦУ¹ (89 б)

... а если кто оказывает неповиновение, того они тотчас карают. Теми же, кто не чтит богов, овладевает племя злых демонов, и многие из безбожников, доведенные ими до безумия, ищут смерти, надеясь, что полетят на небо, если насильственно оборвут свои жизни². И хо-

⁶ [ ] — поговорка, значит — «с самого начала», «от основы».

⁷ В тексте лакуна, но из контекста видно, что здесь говорится об иудеях.

⁸ [ ]

⁹ Конец письма утерян, а возможно, сознательно уничтожен переписчиками-христианами.

¹ См. предыдущее письмо.

² Имеются в виду христианские мученики.

тя человек по природе — существо общественное и цивилизованное, есть и такие, кто устремляется из городов в пустыни, ибо они находятся во власти злых демонов, влекущих их к такому человеконенавистничеству. А многие из них теперь изобрели еще и ношение оков и колодок — до того довел их злой демон, кому они по своей

доброй воле предали себя, отступив от вечных и спасительных богов³. Но того, что я сказал об этом,— достаточно, и я вернусь к тому вопросу, от которого ушел в сторону.

Ясно, что правильное поведение в соответствии с законами государства будет предметом забот правителей городов, но, очевидно, и вам надлежит увещевать людей не преступать священных законов богов. А так как жизнь жреца, естественно, достойнее общественной жизни, ты должен своими поучениями приводить людей к ней. И лучшие, вероятно, последуют твоим советам. Я же молюсь, чтобы им последовали все, и, во всяком случае, надеюсь, что им последуют от природы разумные и дельные люди: ведь они почувствуют, что твои слова близки им.

Но всего больше должно проявлять человеколюбие, ибо из него исходит и много других благ, и лучшее и величайшее благо—благоволение богов. Рабы, которые разделяют дружбу, стремления и любовь своих господ, более любимы, чем другие рабы. Так же и нам следует знать, что божество, само любя людей, особенно милостиво к человеколюбивым. Человеколюбие же может заключаться во многом и разном. Оно проявляется и когда наказывают людей, щадя их, как учителя наказывают детей, имея в виду исправление наказуемого, и когда заботятся о нуждах людей, как боги заботятся о наших нуждах. Посмотрите, сколько земных благ дали они нам — самую разнообразную пищу и так много, как сип не дали всем остальным живым существам. И так как мы рождаемся на свет голыми, они защитили нас покровом из шерсти животных и того, что производят земля

и деревья. И дело не ограничилось тем, что просто люди сразу, как это говорит Моисей, получили от них покровы из кож⁴; но посмотрите, сколько даров сделала нам Афина Эргана⁵! А какое еще животное пользуется вином, какое — оливковым маслом, если только мы сами не уделяем им от этого (даже если мы ничего не уделяем людям)? Кто из обитателей моря пользуется хлебом, кто из наземных животных пользуется тем, что в море? И я не упомянул золото, медь и железо — великое богатство, обладателями которого сделали нас боги, но не для того, чтобы мы — о позор! — не обращали внимания на бродящих среди нас нищих, а ведь среди них встречаются хорошие люди, например, те, кому не досталось никакого отцовского достояния и кто бедствует, пренебрегая деньгами по величию своей души. Видя их, многие упрекают богов. Но не боги — виновники их бедности, а ненасытность нас, имущих, становится причиной невер-

ного мнения людей о богах и, кроме того, несправедливого упрека богам. Чего же нам просить? Чтобы боги послали беднякам, как родосцам, золотой дождь⁶? Но если бы даже так и случилось, мы тотчас же послали бы своих слуг и расставили всюду сосуды, чтобы отогнать всех и нам одним захватить дары богов, предназначенные для всех. Да и удивительно будет, если мы будем просить о противоестественном

³ Это, несомненно, — анахореты — аскеты.

⁴ Genesis, 3, 21.

⁵ ████████ — «работница», эпитет Афины, покровительницы женских работ, в том числе ткачества.

⁶ Pind., Olymp. VII, 49.

и совершенно бесполезном и не будем делать того, что в наших силах. Кто когда-нибудь стал бедным из-за того, что давал своим ближним?! Я сам, часто раздавая нуждающимся, снова получал это от них⁷ в многократном размере, хотя я и никудышный делец, и никогда я не раскаивался в том, что отдал. О том, что сейчас, я, пожалуй, говорить не буду, ибо совершенно неразумно сравнивать расходы частного лица с расходами царя. Но я отлично знаю, что когда я еще был частным лицом, со мною это случалось часто. Например, в совершенной неприкосновенности сохранилось для меня имение моей бабушки, которым насильно завладели другие⁸, в то время как из того небольшого, что я имел, я щедро раздавал нуждающимся.

Итак, мы должны делиться своим добром со всеми людьми и особенно щедро — с хорошими, а с нуждающимися и бедными — так, чтобы хватало для удовлетворения их нужд. И я бы сказал даже, хотя это и может показаться странным, что было бы благочестивым делиться одеждой в пищею даже с 291 враждебными людьми — ведь мы даем потому, что он — человек, а не за то, какой он человек. Поэтому я думаю, что и к тем, кто заключен в тюрьмах, нужно проявлять такую же заботу. Ибо подобное человеколюбие не мешает правосудию. А так как в тюрьме заключено много людей, ожидающих суда, и некоторые из них будут осуждены, а другие окажутся невиновными и будут освобождены, то будет жестоко, если, опасаясь, как бы не оказать милости не только невинным, но и порочным, мы из-за порочных стали бы вести себя жестоко и бесчеловечно с теми, кто не сделал ничего дурного.

Вот что еще, по моему мнению, совершенно несправедливо: мы зовем Зевса покровителем гостеприимства, а сами менее гостеприимны, чем скифы! И как может тот, кто хочет принести жертву Зевсу Ксению⁹, приближаться к храму, с какой совестью, если он забыл слова:

Зевс к нам приводит нищих и странников;
Дар и убогий Зевсу угоден....¹⁰!

И как может тот, кто поклоняется Зевсу Гетайрию¹¹, видя, что его ближний нуждается в деньгах, не дать ему даже одной драхмы, но в то же время считать, что поклоняется богу правильно? И всякий раз, когда я вижу это, я прихожу в совершенное изумление: прозвания богов для нас как бы образцы, запечатленные с начала мира, а сами мы на деле ни к чему подобному не стремимся! Мы называем богов Омогниями¹² и Зевса — Зевсом Омогнием, а сами к родственникам относимся, как к совершенно чужим! Ведь каждый человек, желает он этого или не желает, — родственник другим людям независимо от того, от одного ли отца и одной матери, как говорят некоторые, произошли все или каким-либо иным образом при создании

⁷ [redacted]. Кто возвращал в многократном размере данное Юлианом? Нуждавшиеся, которым он помогал? Вряд ли. Это было бы похоже на ростовщичество, и, кроме того, дальше идет пример с именем, говорящий против такого толкования. Имя Юлиан никому не давал — оно у него было отобрано. На наш взгляд, здесь имеются в виду боги.

⁸ См. письмо 1.

⁹ [redacted] — «гостеприимный», эпитет Зевса.

¹⁰ *Odys XVI*, 56—58. Перевод В. А. Жуковского (Москва, 1959, стр. 173). См. письмо 39.

¹¹ [redacted] — эпитет Зевса, покровителя дружбы.

¹² [redacted] — бог — покровитель рода.

мира боги сотворили не одного мужчину и одну женщину, а сразу много мужчин и много женщин. Ибо те, кто может сотворить двух человек, могут сотворить и сразу многих. Ведь тем же самым способом, каким они создали одного мужчину и одну женщину, они могли создать много мужчин и много женщин ... если обратить внимание на различие нравов и законов, а еще более — на то, что выше, ценнее и святее,— на откровение богов, переданное нам древними теургами, согласно которому, когда Зевс создавал миропорядок, упали капли священной крови и из них-то и возник человеческий род¹³. Таким образом, все мы — родственники, произошло ли все множество людей обоих полов от одной пары — мужчины и женщины... (или) как говорят нам боги и как надлежит верить, исходя и из свидетельства фактов,— все произошло от богов. Те факты, которые свидетельствуют, что сразу же появилось на свет много людей, я тщательно изложу в другом месте, а сейчас достаточно будет сказать только то, что если бы мы происходили от одной пары, вряд ли наши законы были бы столь различны, и вряд ли вся земля наполнилась бы людьми, происходящими от одного человека, даже если бы женщины, как свиньи, сразу же рожали своим мужьям много детей. На самом же деле по знаку, данному богами, сразу повсюду появилось множество людей, точно так же как появился бы один человек; и эти люди достались в удел богам, управляющим отдельными народами¹⁴, и те вырастили их, получив от демиурга извечно бывшие у него души. Необходимо также иметь в виду, сколько рассуждений было посвящено в древности раскрытию того, что человек — общественное животное. И вот, говоря и утверждая это, мы будем по отношению к своим ближним вести себя антиобщественно?!

Пусть каждый из нас исходит из таких нравов и обычаев — благоговения к богам, благоволения к людям, телесной чистоты и пусть он преисполнится делами благочестия — стремится всегда иметь благочестивые мысли о богах, почтительно и набожно взирает на храмы и изображения богов и поклоняется им, как если бы видел перед собою самих богов. Ведь наши предки установили изображения и алтари, и хранение вечного огня, и вообще все такого рода символы присутствия богов не для того, чтобы мы считали их божественными, но для того, чтобы посредством их мы поклонялись богам. Ибо нам, поскольку мы телесны, и богам надлежит поклоняться телесно, хотя сами боги — не телесны. И они явили нам, прежде всего,— второй (после этого, первого) род богов — тех, кто обходит кругом все небо¹⁵. Но поскольку и им нельзя воздавать служение телесно, так как по своей природе они ни в чем не нуждаются, то на земле был изобретен другой род изображений, и, совершая поклонение им, мы добиваемся благосклонности богов. Те, кто почитает изображения царей, которые не нуждаются ни в чем, тем не менее привлекают к себе благосклонность, точно так же и те, кто почитает изображения богов, хотя боги нив чем не нуждаются, тем не менее побуждают богов защищать их и заботиться о них. Стремление сделать все возможное есть свидетельство истинного благочестия, и ясно, что те, кто исполнен этим стремлением, обладают благочес-

¹³ Очевидно, имеется в виду учение орфиков о появлении людей из крови растерзанного Диониса.

¹⁴ Идея Юлиана о богах, господах и прообразах отдельных народов развита им в трактате «Против галилеян» (Contra Galil. 115B).

¹⁵ Имеются в виду небесные тела.

тием в высшей степени. В то же время совершенно очевидно, что тот, кто пренебрегает возможным, делая вид, что стремится к невозможному, на самом деле и не старается достигнуть одного и не выполняет другого. Ведь хотя бог ни в чем не нуждается, из этого не следует, что ему не нужно ничего приносить. Ведь он не нуждается и в словесных восхвалениях. Так что же? Разумно ли лишать его их? Никоим образом! Мы не должны лишать божества и того деятельного почитания, которое установлено не три года тому назад и не три тысячи лет, а существовало все прежнее время у всех народов земли.

Итак, взирая на изображения богов, не будем считать, что это простое дерево или камень, но не будем считать их и самими богами. Ведь мы не называем и изображения царей деревом, камнем или медью, и называем их не самими царями, но именно изображениями царей. И каждый, кто любит царя, с радостью взирает на изображение царя, как каждый, кто любит сына, — на изображение сына, а каждый, кто любит отца, — на изображение отца. Из этого следует, что каждый, кто любит богов, с радостью взирает на изображения и статуи богов, и почитая, и страшась богов, взирающих на него с незримого мира. И если кто думает, что раз уж они названы образами богов, им надлежит быть неуничтожимыми, он, по-моему, совершенно лишен здравого смысла — ведь в таком случае они должны быть созданы не руками человеческими. Но то, что создано мудрым и прекрасным человеком, может быть уничтожено человеком дурным и темным. И лишь сотворенные самими богами живые образы их невидимых сущностей — боги, обходящие по кругу небо, пребывают вовеки. Итак, пусть никто не перестает верить в богов, видя и слыша, как некоторые люди осквернили их храмы и изображения. Разве много раз не убивали прекрасных людей, таких, как Сократ и Дион, и великий Эмпедотим¹⁶? А я уверен, что боги заботились о них больше, (чем о храмах). Но смотрите: зная, что и у этих людей тело подвержено смерти, боги дали им подчиниться природе и уйти из жизни, но затем сами же наказали их убийц. Подобное же случилось и у нас на глазах со всеми осквернителями храмов.

И не дадим никому обмануть нас словами или поколебать нашу веру в божественное провидение. Что скажут упрекающие нас в этом иудейские пророки о своем собственном храме, трижды разрушенном и до сих пор не восстановленном? Я сказал это не для того, чтобы бросить им упрек, — ибо я сам после столь долгого времени решил восстановить храм для почитания призывавшегося в нем ранее бога¹⁷. Но я воспользовался этим примером, желая показать, что ничто человеческое не может быть нетленным и что пророки, писавшие такие вещи, говорили вздор, рассчитанный на выживших из ума старух. Но я думаю, что если пророки и толкователи какого-либо бога были негодными, это не мешает ему быть великим богом. Причиной же этого было то, что они не дали своим душам очиститься общим образованием и не открыли своих сильно сомкнутых глаз и

не разогнали окружающую их мглу. Но эти люди видели великий свет слово через туман, не четко и не ясно, и считали это не чистым светом, а огнем, и не будучи в состоянии различить все то, что вокруг него, они кричали громким голосом: «Трепещите! Страшитесь! Огонь! Пламя! Смерть! Кинжал! Меч!», выражая столь многими словами

¹⁶ Эмпедотим, если только в тексте нет ошибки переписчика, фигура неизвестная.

¹⁷ См. прим. к письму 3. См. также свидетельствующие о благожелательном отношении Юлиана к иудаизму письма 44-е (453 а) и 55-е (433 с).

разрушающую силу огня¹⁸. Но о них лучше написать в особом сочинении и показать, насколько эти учителя теологии ниже наших поэтов.

Надлежит поклоняться не только изображениям богов, но и храмам, и священным участкам, и алтарям; а также разумно почитать жрецов как служителей богов, так как они ради нас взяли на себя определенные обязанности по отношению к богам и содействуют нам в получении благ от богов: ведь они совершают жертвоприношения и молятся за всех нас. И поэтому справедливо воздавать всем им почет не меньший, если не больший, чем гражданским властям. И если кто-нибудь и считает, что нужно уделять равный почет и им, и гражданским властям, ибо и те некоторым образом служат богам, будучи стражами законов, то все равно жрецам нужно уделять большую долю нашего благоволения. Ведь ахеяне побудили своего царя уважать жреца, хотя тот и был врагом¹⁹, а мы не уважаем наших друзей, которые молятся и приносят жертвы за нас.

Но так как моя речь дошла до того пункта, которого я давно хотел достичь, то, по моему мнению, надлежит подробно изложить, каким человеком должен быть сам жрец, чтобы быть достойным почитания ... По нашему мнению, не следует присматриваться к нему и исследовать его поведение; пока он именуется жрецом, его нужно уважать и почитать, а если он дурной человек, то надлежит отобрать у него жреческую должность и презирать его, как показавшего себя недостойным. Но пока он приносит жертвы, совершает обряды и близок к богам, мы должны смотреть на него с уважением, как на ценнейшую собственность богов²⁰. Ведь если мы почитаем камни, из которых сделаны алтари, потому что они посвящены богам и имеют особый вид и форму, которая им полагается для той службы, для которой они предназначены, то разве логично будет отказываться почитать человека, посвященного богам? Но, может быть, кто-нибудь возразит: «Но если он нечестив и часто с пренебрежением относится к посвященным богам обрядам?». На это я отвечу, что нужно такого разоблачить, чтобы он как плохой человек не вызывал недовольства богов; но пока он не разоблачен, нельзя ему отказать в уважении. И было бы несправедливо дойти до того, что лишить надлежащего уважения не только виновных, но и тех, кто достоин почитания. И, таким образом, пусть уважаются как любой правитель, так и любой жрец, ведь есть еще такой оракул дидимейского бога:

Тем, кто в своем нечестивом и жалком умишке
Вред причинять жрецам бессмертных богов замышляет,
1 И в своих мыслях безбожных им оскорбленье наносит,—
Жизненный путь пройти до конца не удастся.
Так же и тем, кто богов дерзает бесчестить блаженных,
Честь служенья кому они получили от предков²¹.

И снова в другом оракуле бог говорит:

Всех моих слуг ото всякого зла...

И говорит, что за них он покарает таких людей. И хотя бог вещал много такого, из чего мы можем научиться, как должно

¹⁸ Это место представляет собой как бы пародию на ветхозаветные пророчества. Оно говорит и о знакомстве Юлиана с этой литературой и о том, насколько она была ему чужда, непонятна и неприятна.

¹⁹ Имеется в виду история Хриза и Агамемнона (Шап. I).

²⁰ См. письмо 43.

²¹ Этот же оракул приводится в письме 43.

почитать и уважать жрецов, более подробно мы скажем об этом в другом месте. А сейчас, я думаю, в доказательство того, что я ничего не выдумываю сам, достаточно привести речение бога и его повеление, выраженное его собственными словами. И если кто-нибудь считает, что я — недостойный веры учитель в таких вопросах, пусть он побоится бога и повинуется ему и особенно чтит жрецов богов. А сейчас я попытаюсь описать, каким должен быть жрец,—не ради

тебя (ибо, если бы я уже не знал и из свидетельства посвятившего нас ²² и от великих богов, что ты хорошо исполняешь свою должность и делаешь все от тебя зависящее, я не решился бы поручить тебе столь важное дело), но чтобы ты, пользуясь этим, мог направлять других, и не только в городах, но и в селах, с большей убедительностью и авторитетом — ибо не только ты один сам так думаешь и делаешь, но

твой помощник — я, считающийся по милости богов великим понтификом, и хотя я и недостойн такой должности, я хочу быть ее достойным и всегда молюсь об этом богам. Ведь боги, ты прекрасно знаешь это, возвещают нам великие надежды на загробную жизнь, и им нужно во всем верить. Им несвойственно лгать, и не только в таких делах, но и в том, что касается этой жизни. А так как и в этой жизни они в величии своей силы могут преодолевать и исправлять неправильное и неестественное, то в той жизни, где враждующие здесь силы будут разделены и бессмертная душа отойдет в иной мир, а мертвое тело останется на земле, разве они не будут тем более способны доставить людям то, о чем они возвещали!? И так, зная, что боги обещали

жрецам великую награду, давайте сделаем так, чтобы они были ответственны за все, что касается почитания богов, и своей жизнью являли пример всех тех добродетелей, которые они должны проповедовать.

И первое, с чего нам нужно начать,— это благочестие. Мы должны служить богам так, как если бы они были рядом и смотрели на нас, ибо, хотя они и невидимы нами, их взор — более сильный, чем любой свет,— может проникать даже в наши тайные помыслы. И это не только мои слова, но слова бога, которые он говорил много раз. Но мне, конечно, достаточно привести одно такое изречение и с его помощью показать верность двух положений: что боги видят все и что они радуются благочестивым людям:

Стрелы далеко разящие Феба проникнут повсюду —
 Даже и твердые скалы взор его быстрый пронзает,
 И темно-синее море. Нет, от него не сокрыто
 Множество звезд, в непрерывном и вечном вращенье бредущих
 В небе вечернем, по мудрым законам судьбы неизбежной,
 Ни те страдальцы, что в мрачном Тартаре навеки сокрыты,
 В царстве подземном, в страшной обители вечного мрака,
 Благочестивым же людям радуюсь я, как Олимпу ²³.

Очевидно, что насколько всякая душа, и особенно душа человека, ближе и родственнее богам, чем камень или скала, настолько проще и легче может проникнуть в нее взор богов. Посмотри на человеколюбие бога, говорящего, что он радуется образу мыслей благочестивых людей, так же как чистоте Олимпа. Как же может быть, чтобы он не увел наши души от мрака и Тартара, если только мы обращаемся к нему с благочестием? Конечно, ему известно, кто заключен в Тар-

²² Максим Эфесский. См. письмо 13.

²³ Последний стих есть у Гиерокла (H i e r o c l., In aureum carmen). Биде полагает также, что Юлиан пользовался дошедшей во фрагментах работой Порфирия «De philosophia ex oraculis haurienda».

таре (ведь и эта область не вне власти богов), и он обещает благочестивым не Тартар, а Олимп. И посему нам нужно крепко придерживаться дел благочестия и обращаться к богам с благоговением, не говоря и не слушая ничего постыдного.

А жрецам нужно сохранять себя не только от нечестивых дел и позорных поступков, но и от произнесения или слушания такого рода речей. Итак, нам нужно изгнать все неприятные шутки, все постыдные разговоры. И чтобы ты понял, что я хочу сказать, добавлю: пусть

ни один посвященный в жрецы не читает ни Архилоха, ни Гипнонакта, ни какого-либо другого поэта, писавшего такого рода стихи. Пусть он избегает и того, что есть в этом роде в древней комедии,— так будет лучше. И вообще нам приличествует лишь философия ... и из философов — лишь те, кто избрал богов в наставники своего образования: как Пифагор, Платон, Аристотель, последователи Хрисиппа и Зенона. Ведь мы должны заниматься не всеми философами и всеми учениями, но лишь теми учениями тех философов, которые суть наставления в благочестии и учат о богах, прежде всего — о том, что боги существуют, затем — что их промыслу подвластны дела этого мира и что они не делают ничего дурного ни людям, ни друг другу ни из зависти, ни из доброжелательства, ни из вражды — ведь писавшие об этом наши поэты из-за этого самого навлекли на себя презрение, а иудейские пророки, прилагавшие усилия в изобретении подобных историй, приводят в восхищение тех жалких людей, кто присоединился к галилеянам.

Читать написанное о действительно происшедших событиях нам не возбраняется, но необходимо избегать всех тех выдумок, которые распространялись у древних в виде рассказов,— и вообще всего в этом роде. Ибо как не каждый путь подходит посвященному в жрецы — его путь должен быть устроен надлежащим образом, так же ему подобает и не всякий род чтения. Ведь под влиянием слов в душе возникает определенное настроение и оно понемногу возбуждает желания, а затем внезапно зажигает страшное пламя, и, по моему мнению, нужно заранее не давать ему возникнуть. Нельзя допустить чтение и сочинений Эпикура и Пиррона. Впрочем, боги сами к нашему благу уничтожили их, так что большая часть книг погибла. Однако ничто не мешает мне упомянуть и о них, как о примере того, какого рода чтения следует больше всего избегать жрецам, а если нужно избегать такого чтения, то тем более — таких мыслей. Ведь я не думаю, что прегрешение в словах и прегрешение в мыслях — одно и то же, по прежде всего нужно исправить мысли, ибо прегрешения языка зависят от них.

Нужно заучивать гимны богам — ведь есть много прекрасных гимнов, составленных как древними, так и современными авторами,— никто не мешает стараться узнать те, что поют в храмах. Большинство их дано по нашим молениям самими богами, но некоторые созданы во славу богов и людьми, находящимися под влиянием божественного вдохновения и обладающими душой, недоступной ни для какого зла.

Все это необходимо ревностно соблюдать и почаще молиться богам и на людях и наедине — три раза в день, а если это невозможно, то, во всяком случае, утром и вечером. И не должно быть, чтобы посвященный жрец провел день или ночь, не принеся жертвы. Но и день — с восхода солнца, и ночь — с захода — должно начинать с принесения жертвы богам — даже тогда, когда на нас и не возложены жреческие обязанности. Ибо нам надлежит хранить те священные об-

ряды, которые установлены законом предков, и делать не больше и не меньше того, что предписано. Ведь природа богов — бессмертна, и чтобы мы больше могли умиловить их, нам нужно подражать их природе.

Если бы мы состояли из одних душ и нам ни в чем не мешало бы наше тело, было бы прекрасно установить для всех жрецов один образ жизни. Но так как жрецы не только жрецы, но и люди... И жрецу надлежит строго соблюдать во время исполнения своих обязанностей все правила, но ему же, как человеку, получившему жреческую должность, когда он не занят непосредственно служением в храме, надлежит сделать некоторые уступки.

Я думаю, что он должен сохранять чистоту в течение дня и ночи и затем очиститься на следующую ночь теми очистительными обрядами, которые предписаны священными законами, и, совершив это, он должен войти в храм и оставаться там столько дней, сколько полагается по закону (у нас, в Риме, — 30, у других — иначе). И я думаю, что ему надлежит в течение всех этих дней оставаться в священном месте, занимаясь философией, и не выходить ни домой, ни на площадь и не видеть магистрата, если только он сам не будет в святилищах, но заботиться обо всем, что касается служения богам, наблюдая за всем и все устраивая, а когда его срок истечет, он должен уступить свои обязанности другому. Когда же он снова обратится к обычной человеческой жизни, пусть ему будет дозволено войти в дом к другу и, когда его пригласят, посетить пир, — но по приглашению не любого человека, а только лучших. В это время не будет неприлично сходить иногда и на площадь и побеседовать с начальником или магистратом и, насколько это возможно, прийти на помощь тому, кто действительно в ней нуждается.

И я думаю, что жрецам, когда они находятся внутри храмов и исполняют обряды, надлежит пользоваться самыми великолепными одеждами, а когда они вне святилищ — обычной одеждой, без всякой пышности. Ибо не годится, чтобы мы неправильно пользовались для похвальбы и из пустого тщеславия тем, что дано нам для оказания почести богам. Поэтому на площади нам следует избегать пышных одежд и всего показного и вообще всякой похвальбы. В самом деле, ведь боги были восхищены великой скромностью Амфиарая: когда они предрешили гибель войска²⁴, он узнал об этом, но пошел в поход вместе с войском и тем самым обрек себя на неизбежную гибель; тогда боги полностью преобразовали природу Амфиарая и поместили его среди богов. Все, кто шел походом на Фивы, еще до победы начертили на своих щитах эмблемы и воздвигли трофеи в знак поражения кадмейцев, а он, ученик богов, пошел на войну с оружием без эмблемы, но с кротостью и скромностью, как засвидетельствовали даже враги. Посему я думаю, что и нам, жрецам...²⁵, чтобы завоевать расположение богов. Ведь мы немало грешим против них, щеголяя перед народом в священных одеждах, как бы превращая их в общую собственность и давая глазеть на них как на что-то чудесное. Когда это случается, к нам подходят многие нечестивые и от этого символы богов оскверняются. Но какое мы проявляем беззаконие, какое презрение к богам, если, не живя жреческой жизнью, носим одежды

жрецов! Однако подробно об этом будет сказано в другом месте, сейчас же я говорю тебе об этом лишь в самых общих чертах.

24 См. A e s c h y l . Septem contra Thebes, 568—596; Pind., Olymp. VI, 14.

²⁵В лакуне, очевидно: «нужно носить скромные одежды».

Ни одному жрецу не дозволяется присутствовать ни на одном непристойном театральном представлении ... или устраивать его в своем собственном доме. Это совершенно не годится. В самом деле, если бы можно было вообще изгнать непристойность из театров, чтобы снова вернуть их Дионису уже очищенными, я бы со всей энергией постарался провести это в жизнь. Сейчас же, я полагаю, это невозможно, а если бы это вдруг и оказалось возможным, то провести это в жизнь было бы слишком сложно; поэтому я полностью воздерживаюсь от такого честолюбивого дела. Но я требую, чтобы жрецы воздержались от непристойности театров и оставили бы ее толпе. Итак, пусть ни один жрец не входит в театр и не имеет другом ни одного актера или возницу, и пусть ни один танцор или мим не входят в его дом. Я позволяю жрецам посещать лишь те священные игры, где женщинам запрещено не только участвовать в состязании, но и быть зрителями. Что касается псовых охот, которые города устраивают в своих театрах, нужно ли говорить, что их должны избегать не только жрецы, но и дети жрецов?

Может быть, было бы хорошо сказать раньше, кого и каким образом нужно назначать жрецами. Но не будет неуместно, если именно этим я закончу свою речь. Я говорю, что во всех городах нужно назначать самых лучших и прежде всего самых боголюбивых, а затем самых человеколюбивых, бедные они или богатые. И пусть в этом не делается никакого различия между известными и неизвестными. Ведь не годится препятствовать тому, кто по своей кротости жил скрытно только из-за того, что он не приобрел славы. Допустим даже, что он бедняк и человек из народа, но если в нем есть два качества — любовь к богу и любовь к людям, пусть он будет назначен

жрецом. Доказательством любви к божеству служит то, что он привел всех своих домашних к вере богов, а доказательством любви к людям — то, что из своего скудного имущества он легко делится с нуждающимися и охотно раздает им, и старается делать добро стольким людям, скольким он в силах. А этому нам надлежит уделить особое внимание и использовать как лечение людей. По-моему, получилось так, что когда пренебрегали бедняками и не заботились о них, нечестивые галилеяне, заметив это, посвятили себя филантропии и, приобретая этим славу, придали силу худшему из своих дел. Ибо, как те, кто обманывает детей, привлекая их пирогом и два-три раза бросив им кусочек, уговаривают их идти за ними, а затем, когда они уже далеко от своих домашних, бросают их на корабль, а затем и продают, и то, что короткое время казалось сладким, делает горькой

всю их будущую жизнь, так и галилеяне, начав с того, что называется у них агапе и гостеприимством и служением за столом ²⁶ (ибо как много у них средств для этого, так много у них и названий), — привели многих к безбожии и сделали...

48. ФОТИНУ < (90)

Кроме того, неверный Христу император Юлиан, нападая на Диодора ², так написал ересиарху Фотину:

² [REDACTED]

¹ Этот фрагмент письма сохранился лишь в латинской версии у писателя VI в. Факунда Гермианского. Фотин — известный ересиарх, епископ Сирмия, низложенный при Констанции в 351 г. (S o z o m e n., 4, 6). Он не примыкал ни к одной из враждующих групп теологов, но был создателем собственного оригинального христологического учения, изложение которого есть в «Панарии» Епифания Кипрского. Письмо написано, очевидно, в Антиохии, где Юлиан был между июлем 362 г. и мартом 363 г.

² Диодор, епископ тарсийский, известный церковный деятель, сторонник никейской веры, противник Фотина.

«Ты же, о Фотин, кажется, говоришь правдоподобное и близок к спасению и хорошо делаешь, думая, что тот, кого почитают богом, не может быть в женском чреве. Диодор же, назарейский маг, пытаясь всякими ухищрениями доказать этот абсурд, показал себя хитроумным софистом этой деревенской веры».

И немного спустя:

«Но если только боги и богини, и все Музы, и Фортуна окажут мне помощь, я покажу, что его взгляды несостоятельны и что он — извратитель законов и обычаев, и языческих ³ мистерий, и мистерий подземных богов, и что этот их новомодный галилейский „бог“, коего они в своих баснях объявляют вечным, из-за позора своей смерти и своего погребения лишен божественности, которую ему приписал Диодор».

И как это обычно для заблуждающихся, уличенных в том, что убеждает их скорее искусство, чем истина ⁴, он говорит далее:

«... и тот, во вред общественным интересам поплыв в Афины, неожиданно окунулся в мусические искусства и ухищрениями риторов изощрил свой ненавистный язык против небесных богов. Так и не познав мистерий язычников, он самым презренным образом, как говорят, пропитался заблуждением своих жалких и невежественных рыбаков-теологов. Из-за этого он уже давно подвергается наказанию самими богами. Ведь уже много лет его жизнь в опасности, и, заполучив болезнь груди, он дошел до самых страшных мучений. Все его тело пожрала болезнь; щеки его ввалились, а по всему телу — сплошные морщины. Но это не знак жизни философской, как он хочет, чтобы это казалось тем, кто обманут им, но знак справедливейшего божественного возмездия, настигнувшего его за его преступления. Получив по заслугам, он теперь доживает до конца свою тягостную и горькую жизнь, и лицо его поражено смертельной бледностью».

47. ЮЛИАН ЛИБАНИЮ, СОФИСТУ И КВЕСТОРУ¹ (98)

Так как ты забыл о своем обещании (сегодня уже третий день, а Приск-философ ² сам так и не пришел, но прислал письмо, сообщая, что задерживается), то я тебе напомню о твоём долге и требую, чтобы ты его выполнил. Долг же твой, как ты знаешь сам, такого рода, что тебе очень легко его отдать, а мне очень приятно получить. Пришли же свою речь и подай святой совет ³, но ради Гермеса и Муз — быстрее: знай, что этими тремя днями ты меня губишь, если только а правда то, что говорил сицилийский поэт ⁴: «за день стареют горя-

⁸ Факунд переводит, очевидно, слово «эллинский» латинским словом *paganus*.

⁴ Место, трудное для перевода: *Sicut autem solent errantes convicti fingere quod arte magis quam veritate vincantur, sequitur dicens.*

¹ Либаний (314—395) — знаменитый софист, оставивший громадное литературное наследие, друг Юлиана, которому посвящен ряд его речей (12, 13, 14, 15, 17, 18, 24). Письмо, очевидно, написано в Антиохии, где были и Юлиан и Либаний. До нас дошел ответ Либания, приведенный Биде после письма Юлиана: Либаний Юлиану императору: «Если такой язык медлителен, то что же будет, если ты отточешь его? Но у тебя как будто где-то внутри ^a находятся столь сильные источники слов, что тебе не нужен приток извне. Мы же, если только не напоем себя каждый день, обречены на молчание.. Ты стремишься получить мою речь одинокой и лишенной заступника (поэтому-то ты и говоришь, что прекрасный Приск медлит). Ну, хорошо, получи ее — ведь все равно всякое твоё суждение о ней будет нам дорого».

^a буквально — [ ]

² О Приске — см. комментарий к 5-му письму.

³ Очевидно, речь идет о 14-й речи Либания «В защиту Аристофана».

⁴ Тьеос., 12, 2.

щие страстным желанием». Если это так, а это безусловно так и есть, то ты, благороднейший, в три раза приблизил ко мне старость.

Я продиктовал это для тебя среди дел: писать сам я не способен, ибо рука у меня ленивее языка; хотя, должно быть, и язык мой от отсутствия упражнения стал медлительным и нечленораздельным. Будь здоров, брат мой желаннейший и любезнейший!

48. ЮЛИАН — ЛИБАНИЮ (97)

Ты воздал Аристофану¹ плату за благочестие к богам и за благоволение к тебе, оплатив ему и превратив то, что раньше было постыдно, в предмет славы, и не только сейчас, но и в будущем. Ведь по сравнению с написанными тобой речами ничто и лживые доносы Павла, и страшный приговор того судьи. Едва появившись, они стали ненавистны и исчезли вместе с теми, кто был их виновниками, а твои речи и сейчас высоко ценятся всеми истинными эллинами, и в будущем, если только я не ошибаюсь в своем суждении, будут ценимы. А из дальнейшего ты узнаешь, убедил ли меня, а вернее, переубедил ли относительно Аристофана. Я не могу допустить мысль, чтобы он был падок на удовольствия и богатства — но в чем же тогда мне нужно уступить истинному философу и правдолюбивейшему из риториков? А с твоей стороны, естественно, последовал вопрос, почему мы не изменяем его несчастных обстоятельств на лучшие и не снимаем с него причиненного несчастьем позора? «Сойдись вдвоем»²,

¹ Речь идет об Аристофане, незначительном чиновнике, история которого хорошо известна из 14-й речи Либания («В защиту Аристофана»). Он, будучи агенс in rebus при египетском префекте Парнасии, был вместе с ним обвинен в гадании. Дело это расследовалось с большой жестокостью в Скифополе приближенным Констанция Павлом, прозванным «Катена» — «цепь» (Amm. M a g s, XIX, 12, 10). Либаний просил Юлиана дать Аристофану какую-нибудь должность и оправдать его в глазах его соотечественников-коринфян, причем подчеркивал преданность Аристофана язычеству. Сохранился ответ Либания на это письмо:

Либаний Юлиану императору

Я воздал плату Аристофану, а ты — мне за мою любовь к тебе, горячую и сильную, и не сокрытую ни от богов, ни от людей. Так что сейчас я чуть не воспаряю ввысь, воодушевленный твоим письмом, которое внушило мне надежду и украсило мою речь³. Мне кажется малым и богатство Мидаса, и красота Нерея, и быстрота Крисона, и сила Полидаманта, и мечь Пелея. Мне кажется, что и вкусив нектара, я не почувствовал бы большего наслаждения, чем то, которое испытываю сейчас, — когда царь, которого, наконец-то, после долгих поисков нашел Платон, похвалил мои мысли, был восхищен моей речью и, оказав честь обещанием дара, еще большую честь оказал тем, что пожелал рассмотреть вместе со мной, что должно быть даровано. Значит, хотя и тот, кто наблюдает восход небесной козы, не может получить всего, мне и безо всякого с моей стороны старания выпадает самый крупный успех! Если я попрошу чего-либо подобающего, царь охотно окажет милость, подражая небесной милости богов.

Твое письмо будет издано вместе с моей речью, чтобы показать всем эллинам, что не напрасно было сказано слово; и Аристофан будет гордиться моим писанием, а я — твоим посланием, а вернее, оба мы — и посланием, и тем, что будет даровано: ведь и то, и другое драгоценно для нас обоих.

Но нужно, чтобы ты узнал о страхе Аристофана и посмеялся. Один из тех, кто обычно приходит к тебе вечером, пришел к дверям, но его не пустили, сказав, что ты составляешь какую-то речь. Он известил нас и тотчас возник страх, что, решив опровергнуть речь, ты посрамишь учителя, а Аристофана подвергнешь каре Нила. Поэтому мы сразу побежали к прекрасному Эллидию, а он, узнав, что мы боимся, посмеялся. После этого мы несколько успокоились, а спустя немного времени получили это прекрасное письмо.

^a Как видно из дальнейшего текста, Либаний издал свою речь вместе с письмом Юлиана.

Было поверье, что тот, кто наблюдает восход этого созвездия, увидит свои желания сбывшимися.

^b См. письмо 36.

¹ Iiad. X, 224.

как говорится, мы с тобой посовещаемся. Ведь будет справедливо, если ты дашь совет не только о том, что нужно помочь мужу, искренне не почитавшему богов, но и о том, каким образом сделать это. Ты, правда, намекнул на этот способ. Но, наверное, лучше об этом не писать, но поговорить лично. Будь здоров, брат мой, желаннейший и любимейший!

Я прочел вчера твою речь, успев почти закончить ее до завтрака. Позавтракав же, не отрываясь, прочел и то, что оставалось. Счастлив ты, что можешь так говорить, а еще более счастлив, что можешь так думать! Какая речь! Каков ум! Какое понимание! Каков разбор вопроса! Каковы умозаключения! Каково расположение материала! Каковы зачины! Каков язык! Какая гармония! Какая композиция!

49. ЮЛИАН — ЛИБАНИУ, СОФИСТУ II КВЕСТОРУ I (98)

Я дошел до Литарб (есть такое поселение в Халкиде) и случайно натолкнулся на одну дорогу с остатками зимнего лагеря антиохийцев. Часть этой дороги проходит, помнится, по болотистой низине, а часть — по горе, причем вся дорога очень труднопроходима. В низине там лежали камни, как бы специально сваленные как попало, без того искусства, с которым обычно те, кто строит большие дороги в других городах, накидывают вместо извести много земли и, как при сооружении стены, кладут камни плотными рядами. С трудом пройдя эту часть пути, я пришел к первой стоянке (было около девяти часов) и принял в своем доме большую часть членов вашего совета. О чем мы говорили друг с другом, тебе, наверное, уже рассказали; а если будет угодно богам, то услышишь об этом со временем и от нас ².

Из Литарб я отправился в Беррою, и Зевс, послав мне ясное предзнаменование, возвестил всяческую удачу. Пробыв там день, я осмотрел акрополь и принес Зевсу царскую жертву — белого быка; а с советом города я имел небольшую беседу о почитании богов. Все восхваляли мою речь, но поверили ей лишь очень немногие, — это те, кто и до моих слов казались мне людьми здравомыслящими, но такими, кто, как высшей дерзости, боится отбросить стыд. Ведь выходит так, — о боги! — что люди краснеют при проявлении прекрасных чувств — силы души и благочестия, а гордятся самым постыдным — святотатством и изнеженностью духа и тела.

Затем меня приняли Батны — место, подобного которому я в вашей области, кроме Дафны, не видел. Теперь она, действительно, похожа на Батны, но немного раньше, когда еще целы были храм и статуя, я бы не побоялся сравнить Дафну с Оссой и Пелионом, и с вершинами Олимпа, и фессалийскими Темпеями или даже поставить ее выше всех, ибо это место посвящено и Зевсу Олимпийскому и Аполлону Пифийскому. Но о Дафне тобой написана речь, подобную которой не создал бы, при всем своем желании и старании, «ни один из живущих теперь людей» ³, да и из древних-то, я думаю, не очень мно-

¹ Письмо, как видно из текста, написано уже во время похода на персов и хронологически — последнее из датируемых писем Юлиана. Поход описан Либанием (XVIII), Аммианом (XXIII, 2 и до конца XXIV) и Зосимом (III, 12—28).

² Антиохийские куриалы просили Юлиана за свой город, оскорбивший его (см. Liban., XVI, 1).

³ *Iiad.* I, 272. Перевод Н. И. Гнедича.

гие. Что же я теперь пытаюсь писать о ней, когда ты уже написал такую блестящую (монодию)⁴ на нее? И думать об этом нечего.

Итак, вернемся к Батнам. Хотя название это и варварское, самое место — эллинское, и это видно уже из того, что во всей округе ощущался запах ладана и везде мы видели приготовленных к жертве животных. Но это хотя и очень обрадовало меня, показалось чрезмерным и чуждым истинному почитанию богов. Ведь почитающие богов должны избегать людской суеты и стремиться к тишине, чтобы, принося богам жертвы и делая все полагающееся по ритуалу, стремиться именно к этому, а не к чему-либо другому. Но, очевидно, к этому вскоре будет приложено подобающее старание. Как я увидел, Батны расположены на лесистой равнине, поросшей молодыми кипарисовыми рощами. (И нет в них ни одного старого или гнилого дерева, но все одинаково зеленеют своими кронами.) Царская резиденция там не слишком роскошна (это — дом, построенный только из глины и дерева, без всяких украшений); сад же уступает Алкиноеву⁵ и похож на сад Лаэрта⁶, а в нем — маленькая рощица кипарисов и у стены там прямыми рядами посажено множество этих же деревьев, а в середине — грядки, на которых растут овощи и деревья, приносящие разного рода плоды. Что же я там делал? Вечером я принес там жертву, а рано утром — другую, как привык это делать надлежащим образом каждый день. А так как знаки были благоприятны, мы отправились в <Иера>полис. Там навстречу нам вышли граждане, и меня принял у себя один друг, которого увидел я тогда в первый раз, а любил — издавна. Почему это так, по-моему, ты уже знаешь, но мне приятно сказать об этом лишний раз. Ведь и говорить с и слушать об этом всегда для меня — нектар. Сопатр, воспитанник божественного Ямвлиха, — свойственник этого Сопатра⁷ ... Мне представляется, что гнуснее всех преступлений — не любить всего, связанного с этими мужами. Но есть и более важная причина этого. Он много раз принимал у себя моего кузена и моего сводного по отцу брата, и те, естественно, часто побуждали его отойти от почитания богов, но он, что было очень трудно, не заразился их болезнью.

Многие солдаты, идущие со мной галилейскую.....⁸

Вот что я могу написать тебе о своих личных делах из Иераполиса. А что касается военных и политических дел, я думаю, тебе следовало бы понаблюдать за ними и позаботиться о них, присутствуя лично. Ты прекрасно знаешь, что всего этого слишком много для одного письма. А если стремиться к точности, то нелегко вместить так много в письмо и втрое большем. Все же я вкратце расскажу тебе об этих делах. Я отправил послов к сарацинам, приглашая их прийти, если они хотят. Это — во-первых. Во-вторых, я отправил охрану из людей самых бдительных, каких я только мог достать, чтобы никто тайно не перешел отсюда к врагам и не донес бы им, что

⁴ Дафна — пригород Антиохии, где был громадный храм Аполлона, сожженный во время пребывания Юлиана в Антиохии. Юлиан говорит о 60-й речи Либания «Монодия на храм Аполлона в Дафне».

⁵ См. *Odys.* VII, 113 слл.

⁶ См. там же, XXIV, 245 слл.

⁷ Текст дальше испорчен. Может быть, указательное местоимение «этого» употреблено потому, что хозяина Юлиана звали тоже Сопатром, «тот» Сопатр — свойственник «этого» Сопарта.

⁸ Место пропущено переписчиком, возможно, потому, что содержало какой-то антихристианский выпад. Очевидно, здесь говорилось о том, что солдаты бросают христианство и переходят в язычество (см. письмо 19).

мы уже в пути. Там же я вершил военный суд, по моему мнению, весьма милостиво и справедливо. Я приготовил запасных лошадей и мулов и собрал все войско в одно целое. Речные суда наполнены хлебом, вернее сухарями, и укусом. Ты понимаешь, какого размера должно быть письмо, если рассказывать, каким образом каждое из этих дел сделано и что по поводу этого пришлось говорить. А что касается того, сколько писем и бумаг я подписал (все это следует за мной, как тень, и обступает меня со всех сторон), — то к чему мне стараться перечислять их здесь?

50. ПИСЬМО ЮЛИАНА ОТСТУПНИКА ПОРФИРИЮ КАТОЛИКУ¹ (106)

У Георгия была богатейшая и громадная библиотека трудов самых разных философов и многих историков. Немалое место в ней занимали многочисленные и разнообразнейшие книги галилеян. Когда ты разыщешь всю библиотеку полностью, позаботься отослать ее в Антиохию. И имей в виду, что сам подвергнешься тяжкому наказанию, если не приложишь к розыску книг величайшего усердия. И если у тебя по тем или иным причинам возникнет о ком-либо подозрение, что это они унесли книги, и ты не сможешь убедить этих людей никакими доводами, никакими клятвами, и даже подвергая пыткам слуг, то силой заставь их принести все.

51. ЮЛИАН ЕКДИКИЮ, ПРЕФЕКТУ ЕГИПТА¹

Одни — любят лошадей, другие птиц, третьи — диких зверей; в меня же с детства вселилась сильнейшая страсть приобретать книги. И было бы странно, если бы я стал спокойно смотреть, как их захватили люди, которым не хватает золота, чтобы удовлетворить свою страсть к богатству, и которые надеются и эти книги присвоить без труда. Итак, окажи мне личную услугу, постарался найти все книги Георгия. Ведь у него было много книг и по философии, и по риторике, и излагающих учение нечестивых галилеян. Я бы, конечно, хотел, чтобы последние погибли; но чтобы вместе с ними не погибли и ценные книги, пусть и их все будут тщательно разыскивать. Руководителем же этих поисков пусть у тебя будет нотариус Георгия. И да знает он, что если честно отнесется к этому, то в награду получит свободу; а если он, наоборот, в чем-либо проявит недобросовестность, то пойдет на пытки. Я ведь знаю книги Георгия, если не все, то во всяком случае многие, — когда я был в Каппадокии², он дал мне кое-какие из них для переписки, но затем забрал обратно.

52. ЮЛИАН — ЕКДИКИЮ, ПРЕФЕКТУ ЕГИПТА »(108)

Поговорка гласит: «Мне же рассказываешь мой собственный сон», а я, по видимому, расскажу тебе то, что есть у тебя наяву. Говорят, что Нил, высоко поднявшись на многие локти, затопляет весь Еги-

¹ О Порфирии нам ничего не известно. Католик — финансовый чиновник. Ван Гронингеп пишет: [REDACTED]. Датировать письмо можно лишь приблизительно. Ясно, что оно написано после 24 декабря 301 г. (когда был убит Георгий — о нем см. письмо 29). Биде полагает, что оно написано около июля 302 г., когда Юлиан прибыл в Антиохию. Библиотека Георгия, с которой Юлиан познакомился во время своего пребывания в юности в каппадокийском замке Мацеллуме (см. следующее письмо), была нужна Юлиану, возможно, для составления трактата «Против галилеян». Очевидно, ее разграбили во время убийства Георгия.

² Написано приблизительно в то же время, как и предыдущее письмо.

² Речь идет о пребывании Юлиана в замке Мацеллуме.

¹ Как видно из текста, письмо датируется временем сразу после 20 сентября 302 г.

пет; а если ты хочешь услышать число, то знай, что к 20 сентября он поднялся на 15 локтей. И сообщает это начальник лагеря Феофил. Итак, если ты этого не знаешь, то узнай от нас и обрадуйся.

53. ЮЛИАН ЕКДИКИЮ, ПРЕФЕКТУ ЕГИПТА » (109)

Если что и стоит нашего попеченья и забот, то это священное искусство музыки. Итак, выбери из александрийцев сотню юношей благородного происхождения и распорядись снабжать каждого из них двумя артабами хлеба в месяц, а кроме того, маслом и вином, одежду же им будут поставлять казначей ². Пока же нужно отбирать тех, кто обладает хорошим голосом. А если некоторые из них смогут подняться до вершины этого искусства, то пусть знают, что и от нас им уготована за их труд весьма большая награда. Но кроме нашей награды они получают пользу, очистив божественной музыкой свои души, ибо нужно верить тем, кто в древности правильно учил об этом. Это — об юношах. А что касается обучающихся теперь у музыканта Диоскора, то последи, чтобы они ревностно перенимали его искусство. Мы же готовы, в чем потребуется, оказать им помощь.

54. ЮЛИАН АЛЕКСАНДРИЙЦАМ (110)

Человеку, изгнанному весьма многочисленными эдиктами многих императоров, надлежало ждать хотя бы одного еще царского эдикта и уже затем возвращаться к себе, а не полагаться на свои дерзость и безумие и не глумиться над законами, как будто они вообще не существуют. Ведь и теперь мы позволили галилеянам, изгнанным покойным Констанцией, возвратиться на родину, но не в свои церкви. И вдруг мы узнаем, что наглеший Афанасий, побуждаемый своей обычной дерзостью, снова захватил так называемый у них епископский престол, и что благочестивому народу Александрии это крайне неприятно. Посему мы повелеваем ему удалиться из города тотчас

¹ Датировка письма неясна. О развитии музыки в Александрии — см. Amm. Marcell., XXII, 16, 17.

² Биде полагает, что это — греческая калька — *praepositū thesaurorum*, начальники местных отделений ведомств *sacrae largitionis*, где собирались золото, серебро и одежда (см. A. N. M. Jones, *The Later Roman Empire*, Oxf., 1964, стр. 428 сл.).

¹ Афанасий Александрийский — крупнейший церковный деятель IV в., глава сторонников никейской веры, автор многочисленных полемических и богословских трудов. Будучи изгнан с епископского престола Констанцием, к моменту воцарения Юлиана он скрывался (Socrat., II, 26; Sozomen., IV, 2; V, 6; Theodoret., II, 13). После воцарения Юлиана и убийства Георгия (см. письмо 29), в соучастии в котором обвиняли, кстати, сторонников Афанасия (Socrat., IV, 3), он воспользовался эдиктом Юлиана о возвращении изгнанных при Констанции церковников (см. письмо 25) и вернулся в Александрию в феврале 362 г. (Historia Aserphala, 9). Афанасий сразу же занимает епископский престол и развивает в высшей степени активную деятельность по сплочению всех противников арианства, господствовавшего в тот момент в церкви. Венцом его трудов был знаменитый Александрийский собор (Socrat., III, 7; Sozomen., V, 12; Rufin., 1,8). Как видно из 57 письма Юлиана, его особенно возмутило то, что Афанасий крестил нескольких языческих женщин. Согласно Сократу, непосредственным поводом к изданию этого указа Юлиана послужил донос от языческого населения Александрии (Socrat., III, 13). Из 56 и 57 писем видно, что Афанасий еще после опубликования эдикта оставался в Александрии, возможно, ожидая результата прошения александрийских христиан, ответом на которое является 56 письмо. Лишь после приказа Экдикю (57 письмо) Афанасий скрывается, обманув тех, кто был послан арестовать его (Socrat., III, 14; Rufin., I, 34; Sozomen., V, 15; Theodoret., III, 1).

как он получит письмо нашей кротости. Мы объявляем, что если он останется в пределах города, то его ждут наказания, значительно более тяжелые и суровые.

55. ЮЛИАН АЛЕКСАНДРИЙЦАМ¹ (111)

Даже если бы основателем вашего города был кто-либо из тех², кто, преступив свои собственные законы, избрав беззаконный образ жизни и вводя новые догматы и новые учения, подвергся справедливому наказанию, вы и тогда бы не имели основания добиваться возвращения Афанасия. Теперь же, хотя основатель вашего города — Александр и правит вами божественный хранитель города — царь Серапис вместе со своей юной спутницей, царицей всего Египта Изидой ..., вы не взяли за образец здоровые города, но большая часть горожан осмеливается присваивать имя всего города³.

Клянусь богами, мне очень стыдно, мужи-александрийцы, когда кто-либо из общества александрийцев заявляет, что он галилеянин. Предки настоящих евреев в древности были в рабстве у египтян, а теперь вы, мужи-александрийцы, покорив египтян (ведь был же вашим основателем покорен Египет), сами, поправ священные заветы, добровольно обратились в рабство к тем, кто презрел учение предков. И не вспоминается вам, как блаженно вы жили в древности, когда весь Египет был в общении с богами и мы наслаждались всеми благами? Но скажите мне, те, кто сейчас у вас ввел это новое учение, что хорошего они принесли городу? Вашим основателем был благочестивый муж, Александр Македонский; клянусь богами, он не сравним ни с кем-либо из этих людей, ни с значительно превосходящими их евреями. Лучше их был и Птоломей, сын Лага, а если бы Александр вступил в борьбу с римлянами, то он и их привел бы в смятение. А как же поступили вслед за вашим основателем Птоломеем, возвращая ваш город, как родную дочь? Ведь они расширили его не с помощью слов Иисуса и не руководствуясь учением ненавистнейших галилеян создали для него то устройство, при котором он теперь процветает. Когда же мы, римляне, наконец, стали его владыками, прогнав плохо правивших Птоломеев, Август, прибыв в ваш город и обращаясь к вашим гражданам, сказал: «Мужи-александрийцы, я прощаю городу всю вину из-за благоговения перед великим богом Сераписом и также ради самого народа и величия города. Третья же причина моего к вам благоволения — моя дружба с Арием»⁴: Арий этот был ваш согражданин, близкий друг цезаря Августа, муж-философ.

Вот что, говоря вкратце, дали олимпийские боги именно вашему городу, а о многом я, чтобы избежать чрезмерной длины рассказа, умалчиваю. Но разве вы не знаете, что дается видимыми богами ежедневно не отдельным людям и не одному роду или одному городу, но вообще всему миру в целом? Или вы одни бесчувственны к исхо-

¹ См. письмо 110.

² Ван Гронинген читает не [красная пометка], как Биде, а [красная пометка] — кто-либо из галилеян.

³ [красная пометка] нет у Биде, но вставлено Ван Гронингеном. Место неясно. Биде переводит: «... вы не взяли за образец здоровую часть города...». Если принять перевод Биде и исправить его в соответствии с чтением Ван Гронингена, он будет звучать так: «... вы взяли за образец не здоровую часть города, но больную, которая осмеливается...».

⁴ Арий Дидим Александрийский — философ, учитель Августа.

дящим от Гелиоса лучам? Вы одни не знаете, что от него зима и лето? Вы одни не знаете, что им все животворится и движется? И вы не чувствуете, что Селена — от него и через него — созидательница всего и что она для города — источник многочисленных благ? И вы осмеливаетесь не поклоняться ни одному из этих богов, а Иисуса, которого не видели нивы, ни ваши отцы, вы считаете Богом-словом!

А того, кого испокон веков видит и на кого смотрит, и почитает и, почитая, проводит жизнь в благополучии весь человеческий род, я говорю про великого Гелиоса, про этот живой, наделенный умом и душой благодетельный образ умопостигаемого отца... Если вы поверите моим увещаниям, то постепенно сами себя приведете к истине. И вы не уклонитесь с прямого пути, если поверите тому, кто сам шел той дорогой до 20 лет, а этим путем идет, с помощью богов, вот уже 12-й год. Если вы послушаетесь нас, ваших друзей ⁵, то доставите мне большую радость, а если желаете пребывать верными суеверию и «катехизису» обманщиков — то, по крайней мере, сохраняйте единомыслие и не тоскуйте по Афанасию. Ведь есть же весьма многие из его учеников, которые могут в достаточной степени убажить ваш слух

и удовлетворить его зудящее стремление к нечестивым речам. О, если бы в одном Афанасии сосредоточивался порок этого нечестивого учения! Но сейчас среди вас много подобных людей, так что в этом не будет никакой трудности. Ведь кого бы из этого множества вы ни взяли, никто в толковании писания не будет хуже того, кого вы желаете. Если же вы обратились ко мне с этим ходатайством, любя Афанасия за какое-то другое его искусство (ведь

я уже давно знаю, что это человек, на все способный), то знайте, что именно из-за этого он и изгнан из города. Ведь противоестественно, чтобы склонный к интригам человек управлял народом. А если это и не человек, а жалкий человечешка, каким и является он, слишком много воображающий о том, что он рискует своей головой ⁶,—

именно это и кладет начало беспорядкам. Итак, чтобы у вас не возникло ничего в этом роде, я раньше велел ему уйти только из города, а теперь приказывают вообще покинуть Египет.

Пусть это будет доведено до сведения моих граждан александрийцев!

56. ЮЛИАН ЕКДИКИЮ, ПРЕФЕКТУ ЕГИПТА ¹ (112)

Хотя обо всем прочем ты нам и не пишешь, но написать о враге богов Афанасии ты был должен — тем более, что тебе уже давно прекрасно известно, что мы справедливо постановили о нем. Клянусь великим Сераписом, если до декабрьских календ враг богов Афанасий не покинет этого города, а еще лучше — вообще Египта, я накажу находящихся в твоём распоряжении служащих ² штрафом в 100 фунтов золота. Ведь ты знаешь, что я осуждаю не скоро, но еще менее скоро я прощаю уже осужденного.

(И собственной рукой): Меня очень беспокоит такое пренебрежение к моим приказам. Клянусь богами, я ничего из сделанного

⁵ [redacted] — не ясно, имеет ли в виду Юлиан одного себя или вообще язычников.

⁶ Место, трудное для перевода: [redacted]

¹ См. письмо 110.

² Употреблено выражение [redacted]. буквально: «находящийся в твоём распоряжении отряд». В Поздней империи государственные чиновники считались находящимися на военной службе.

тобой не увидел бы, вернее не услышал с большей радостью, как то, с что нечестивец Афанасий, осмелившийся в мое царствование склонить к крещению знатных эллинских женщин, изгнан из пределов Египта. Да будет он изгнан!

57. ЮЛИАН БОСТРИЙЦА.¹ (114)

Я думал, что предводители галилеян будут более благодарны мне, чем тому, кто до меня управлял государством. Ведь при нем многим пришлось быть в изгнании, подвергаться преследованиям и арестам, а великое множество так называемых еретиков было даже уничтожено, например, в Самосатах, Кизике, Пафлагонии, Вифинии, Галатии и у многих других народов, где целые селения были стерты с лица земли. При мне же все совершенно изменилось — и изгнанным разрешено возвращение, и тем, у кого конфисковано имущество, предоставлена, по нашему закону, возможность получить обратно все, что им принадлежало. Они же дошли до такой степени бешенства и безумия, что, так как им уже нельзя больше тиранствовать и делать все, что раньше делали друг другу и творили по отношению к нам, почитающим богов, то теперь в своем озлоблении они хватаются за камни, осмеливаются возбуждать народ и подстрекать его к мятежам, не почитая богов и не повинаясь нашим эдиктам, как бы они ни были гуманны. Мы не позволяем никому из них против воли тащить к алтарям, но ясно им объявляем, что если кто-нибудь добровольно хочет принять участие в наших священных возлияниях и омовениях, должен сначала принести очистительную жертву и умолить отвращающих беды богов. Столь далеки мы, клянусь Зевсом, даже от мысли о том, чтобы кто-либо из нечестивцев

участвовал вместе с нами в священных жертвоприношениях, прежде чем очистит душу мольбами к богам, а тело — положенными очистительными обрядами.

И понятно, почему толпа, обманутая так называемыми клириками, утратив безнаказанность, стала склонна к возмущениям: ведь те, кто до настоящего времени тиранствовал, не довольствуются тем, что не несут наказания за совершенное ими зло, но мечтают о той власти, которой они обладали раньше, ибо сейчас им не разрешено творить суд, писать завещания², присваивать чужое добро и все забирать себе; и они используют любой повод для беспорядков и, по пословице, «подливают масло в огонь»³, побуждая толпу к раздорам и прибавляя к ранее совершенному ими злу еще большее. И посему я решил объявить настоящим декретом всему народу и сделать общеизвестным следующее: пусть никто не восстанет вместо с клириками и не поддастся на их уговоры хвататься за камни

¹ Датировка дана в самом эдикте — 1 августа 362 г. Сразу после восшествия на престол Юлиан назначает президом Аравии ярого язычника ритора Бэля (см. С е е с к, ук. соч., стр. 97), которому пишет Либаний, заступаясь за обвиняемого в антиязыческих актах в царствование Констанция чиновника-христианина Ориона. Очевидно, в результате мероприятий Юлиана и Бэля в городе возникли беспорядки. В данном письме Юлиан явно пытается возложить всю вину на епископа Тита и настроить бострийцев против него. Письмо использовал как источник Созомен (V, 15). Тит Бострийский — известный епископ, автор частично дошедшей до нас книги «Против манихеев», жил и был епископом и после Юлиана (S o c g a t., III, 25).

^a По закону Константина (Cod. Theodos., XVI, 2, 4) было разрешено завещать имущество церквям. Очевидно, Юлиан этот закон отменил.

и не повиноваться властям. Коли угодно — пусть посещают свои собрания и пусть возносят за себя молитвы, какие считают нужными. Но если они же в собственных интересах будут подстрекать других к мятежам,— пусть никто, если не хочет быть наказанным, не идет за ними.

Объявить же это особо городу бострийцев меня побудило то, что епископ Тит и клирики в записках, которые они представили нам, обвиняют народ: как будто бы они убеждали народ не восставать, а народ сам стремился к беспорядкам. Я поместил дословно в свой

эдикт то, что он осмелился написать в своих записках: «и хотя христиане числом не меньше эллинов, их сдерживает наше увещание никому нигде не нарушать порядка». Вот что сказано о вас епископом! Вы видите, как он говорит, что ваше спокойствие и порядок — не следствие вашей доброй воли, но что вы против своей воли, по его словам, удерживаетесь только его увещаниями! Так выгоните по своей воле вашего обвинителя, а сами, всем народом, будьте в добром согласии друг с другом. И пусть никто никому не противодействует и не чинит обиды: ни заблуждающиеся — тем, кто правильно служит богам, как это надлежит по испокон веков переданным нам обрядам, ни служители богов пусть не предаются грабежам и не бесчинствуют в домах тех, кто заблуждается скорее по незнанию, чем сознательно. Убеждать и поучать людей надлежит не кулаками, не оскорблениями и не физическим насилием, а разумными доводами. И я еще и еще раз убеждаю тех, кто стремится к истинному почитанию богов, не причинять обиды толпе галилеян, не нападать на них и не оскорблять их. Скорее жалости, чем злобы достойны те,

кто заблуждается в делах величайшей важности,— ведь воистину величайшее из всех благ есть почитание богов, как наоборот, величайшее из всех зол — нечестие. Тем, кто отвернулся от богов к мертвецам и трупам, приходится терпеть такую кару... А мы разделяем и страдания тех, кто попал в какую-либо беду, и радость тех, кто избавлен и спасен богами.

Издано в Антиохии в августовские календы.

58. ЮЛИАН ЖИТЕЛЯМ ЭДЕССЫ¹ (115)

Я всегда был так кроток и человеколюбив ко всем галилеянам, что никогда не допускал насилия по отношению к кому-нибудь из них, не позволял силой влечь их в храм или угрозами принуждать к чему-нибудь подобному. Но приверженцы арианской церкви, которым придало наглость богатство, напали на приверженцев учения Валентина и осмелились учинить в Эдессе такое, чего никогда не бывает в порядочном городе. А так как их поразительным законом им заповедано (раздать свое имущество), чтобы без труда войти в

¹ Дата письма неясна. Биде предполагает, что оно, как и предыдущее письмо к жителям Востры, написано летом 362 г. в Антиохии. Мера, принятая Юлианом против эдесской церкви,— одна из серии мер, предпринятых им против отдельных церквей и христианских городов. По сообщению Созомена (V, 3,5), впрочем, маловероятному, Юлиан отказывает в военной помощи христианскому городу Низибину, он лишает автономии Констанцию в Палестине (S o z o m e n., V, 3, 71), Кесарию Каппадокийскую (S o z o m e n., V, 4, 1; Liban., XVI, 14); широко известен конфликт Юлиана с антиохийскими христианами, в письмах он угрожает Пессинунту, упрекает александрийцев. Известно, что Юлиан, отправляясь в персидский поход, отказался пройти через Эдессу (S o z o m e n., VI, 1, 1; T h e o d o r e t., III, 26, 2). Очевидно, Эдесса была почти исключительно или исключительно христианским городом, ибо Юлиан угрожает репрессиями всем жителям Эдессы.

«царствие небесное», мы, присоединяясь в этом к усилиям их святых, повелеваем, чтобы все движимое имущество эдесской церкви было отобрано и отдано солдатам, а недвижимое имущество стало частью наших собственных владений, чтобы, став бедняками, они образумились и не лишились «царствия небесного», на которое они еще надеются. Жителей Эдессы мы убеждаем воздерживаться от всяких мятежей и раздоров. А то как бы вы, возбудив против себя наше человеколюбие, не потерпели за учиняемые вами общественные беспорядки наказание мечом, огнем и изгнанием!

59. О ГРОБНИЦАХ И ПОХОРОНАХ¹ (136)

После долгих размышлений я почел своим долгом восстановить теперь, подтвердив законом, древний обычай. Ведь древние, установившие прекрасные законы, размышляя над этим, пришли к мысли, что есть громадное различие между смертью и жизнью, и решили, что и тому и другому должно быть свойственно свое. Ибо смерть — это вечный покой (тот «медный сон», о котором поют поэты)², а жизнь, наоборот, приносит много печального, но много и веселого, то неприятности, то самое хорошее. И приняв все это во внимание, они постановили, что выполнять обряды, связанные с умершими, нужно в одно время, а заботиться о делах повседневной жизни — в другое. Кроме того, они считали, что начало и конец всего — боги, и верили, что и при жизни мы подвластны богам, и после смерти — возвращаемся к ним. А что касается вопроса о том, одни ли и те же боги управляют и тем и другим миром или одни правят живущими, а другие — умершими, то о нем, очевидно, не стоит рассуждать при всех. Но если Гелиос, дающий день и ночь, своим приходом и уходом вызывающий <зиму> и лето, наиболее древний из богов, к кому восходит и от кого исходит все, поставил правителей над живущими и назначил владык над мертвыми, то и мы должны отдавать должное и тем и другим и подражать в нашей повседневной жизни порядку, установленному богами во всем бытие.

Итак, смерть — это покой, а покой свойствен ночи. Посему, я полагаю, надлежит именно ночью заботиться о погребении умерших, в то время как совершать что-либо подобное днем по многим причинам

¹ В кодексе Феодосия (IX, 17, 5) и частично в кодексе Юстиниана (IX, 19, 5) сохранился следующий текст закона, изданного Юлианом: *«Император Юлиан Август, к народу*. Бесчинство по отношению к могилам умерших и посвященным им участкам земли продолжается несмотря на то, что наши предки всегда считали близким к кощунству даже взять оттуда камень или потревожить землю, или вырвать дерн. Но некоторые даже уносят из погребений украшения для своих триклиний и портиков. Прежде всего, мы побуждаем их не впадать в грех и не осквернять святость могил и прямо запрещаем такие поступки в страхе перед наказанием и мезью Ман. Во-вторых, по нашим сведениям, тела умерших людей проносят при большом стечении народа и громадном количестве присутствующих, что, как зловещее знамение, оскверняет взоры людей. В самом деле, разве хорошее предзнаменование — начинать день с похорон? А как после этого идти в храмы к богам? Таким образом, так как и скорбь при похоронах любит тайну, и для умерших совершенно безразлично, выносят их днем или ночью, надлежит освоить бодить всех людей от этого зрелища, чтобы скорбь на похоронах казалась действительной скорбью, а не помпезным трауром. Дано в канун февральских ид, в Антиохии, во время четвертого консульства Юлиана и первого Саллюстия» (12 февраля 363 года). Вероятно, этот латинский текст — сокращение написанного самим Юлианом греческого текста, дошедшего лишь частично, очевидно, — вторая половина. Мотивы закона — чисто религиозные — неоплатоническая практика очищений и вера в знамения, чуждые христианским представлениям.

² *Hiad.*, XI, 241.

запрещается. Каждый по своему делу ходит по городу, и все полно идущими в суды, на рынок или с рынка, сидящими за своей работой, заходящими в храмы, чтобы в своих добрых надеждах заручиться поддержкой богов. И вот тут, бог знает, какие люди, положив на носилки труп, проталкиваются среди занятых всем этим. Это ни в коем случае недопустимо. Ведь те, кто встречается с похоронами, часто бывают преисполнены тягостного чувства; одни считают это дурным предзнаменованием, а другим — тем, кто идет в храмы, нельзя приближаться к святыне, прежде чем они не очистятся от осквернения. Ибо после подобного зрелища не годится приближаться к богам, так как они, творцы жизни, всех более чужды тлению. Но это еще не самое плохое. А что же? Священные места и храмы богов открыты, и часто кто-нибудь внутри приносит жертву, совершает возлияния и молится, и в этот момент мимо самого храма проносят труп и зловещие звуки плача доносятся даже до алтарей. Разве вы не знаете, что как дневные и ночные дела прежде всего должны быть отделены друг от друга, так, естественно, и (похороны)³... должны совершаться не днем, а быть сохранены для ночи? Ибо не годится избегать при трауре ношения белых одежд, а хоронить умерших — среди бела дня. Лучше уж первое, если только это не оскорбительно ни для кого из богов, а второе никак не может не быть нечестьем ко всем богам. Ибо похороны тем самым и несправедливо посвящаются олимпийцам, и несправедливо же отнимаются у богов подземного мира (или каким другим именем предпочитают именоваться правители и господа душ). И я знаю, что наиболее сведущие и понимающие в священных обрядах считают, что обряды подземным богам следует совершать ночью или, во всяком случае, после 10 часов дня. Если же это лучшее время для поклонения подземным богам, то мы, конечно, не назначим лучшего времени и для обрядов, связанных с мертвецами. Этого достаточно для тех, кто повинуется охотно, и узнав, какие неправильные поступки они совершали, пусть они изменятся к лучшему. А если кому-либо нужны и угрозы наказанием, да знает он, что потерпит самое суровое наказание, если осмелится до 10 часов дня хоронить и проносить по городу кого-либо из умерших. Но пусть это совершается от захода солнца и до его восхода, а светлый день да будет посвящен светлым же делам и олимпийским богам.

60. ЮЛИАН ЛЕОНТИУ ¹ (152)

Летописец-фуриец сказал, что люди должны верить ушам меньше, чем глазам². Я же, если бы и десять раз тебя видел, не верил бы глазам так, как сейчас верю своим ушам, узнав от человека, который никогда не солжет, что ты, как настоящий мужчина, сражаясь, говоря словами Гомера, «руками и ногами»³, сам себя превзошел. Итак, разрешая тебе пользоваться оружием, мы посылаем тебе полное вооружение, которое в настоящее время носит пехота (оно легче оружия кавалерии), и зачисляем тебя в отряд телохранителей⁴ (куда принимаются лишь те, кто уже служил в армии и принимал участие в сражении).

³ Текст испорчен. Слово «похороны» вставлено по смыслу.

¹ Ни адресат, ей дата письма, ни событие, о котором идет речь,—неизвестны.

² *Herod.*, I, 8.

³ *Odys.* VIII, 148.

⁴ ████████████████████ — так называемые *domestici*.

61. ПЛУТАРХУ¹ (153)

Мое телесное здоровье во всех отношениях удовлетворительно, и мое душевное состояние не менее хорошо. Я думаю, не может быть лучшего вступления к письму, посланному от друга к другу. Но что же за вступлением? Конечно, просьба. Но какая просьба? Ответных писем. И пусть они будут написаны с таким же расположением и так же возвещают нам о тебе благоприятные новости.

62. К НЕИЗВЕСТНОМУ¹ (153)

Кто не знает, что сказали эфиопы о самой питательной нашей пище? Ведь, получив наш хлеб, они, если только верить фурийскому летописцу², заявили, что поражаются, как мы живем, питаясь навозом. Есть же народы — пожиратели рыбы и мяса, которым, как сообщают авторы описаний вселенной, и во сне не снилось, что можно есть пищу, какую едим мы. И если кто-нибудь станет искать у нас что-либо похожее на их пищу, он не найдет ничего лучше, чем плоды болиголова или аконита, или чемерицы.

¹ Датировка письма совершенно не ясна. Возможно, как это полагает Биде, Плутарх — одно лицо с афинским философом Плутархом, сыном Нестория, умершим глубоком стариком в 431/2 г.; см. *Magin, Proclus*, 12.

¹ В своем лексиконе на слово «Геродот» «Свида» пишет: «О Геродоте говорит Отступник в письме...» и дальше дается эта цитата. Ни адресат, ни дата, ни содержание письма неизвестны.

² См. *Herod.*, III, 22.